

Если общество оценивает экологические проблемы в качестве первоочередных, то и власть, избранная для народа, должна удовлетворять потребностям работодателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабина Н. А., Варфоломеева Н.И. Экологический менеджмент М.: Изд-во МГУ, 2002. 154 с.
2. Воронков Н. А. Экология общая. М.: Агар, 1999. С 416.
3. Гусейнов А. И. Экология Тюмени. Тюмень: ИГЭК, 2001. 187с.
4. Кочуров Б. И. Экодиагностика и сбалансированное развитие. Смоленск: Маджента, 2003, 380 с.
5. Осипов В. А. Социально-экономические проблемы управления природопользованием. Концептуальный аспект. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999а. 248 с.
6. Осипов В. А. Городская среда как объект природопользования и экономический механизм регулирования ее состояния // Природопользование в районах со сложной экологической ситуацией. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999б. С.20.
7. Семенов Ю. М., Антипов А. Н., Буфал В. В., Выркин В. Б., Калеп Л. Л., Кузьмин В. А., Лямкин В. Ф., Медведев Ю. О., Михеев В. С., Савельева И. Л., Рященко С. В. Чуднова В. И. Экологически ориентированное планирование землепользования в Байкальском регионе: Ольхонский район. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 1998. 182 с.
8. Спиркин А. Г. Философия. М.: Гардарики, 1998. 816 с.
9. Торговля правами на выбросы двуокиси серы в США. Материалы неправительственной организации «Защита Природы», США // Бюллетень. На пути к устойчивому развитию России. М.: АМ, 2002. №21. С. 13.
10. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 684 с.
- 1.1 Naaren, K. Landschaftsplanung und Strategische Umweltpruefung. Hannover: SUP, 2000. 136 s.

Роман Юрьевич ФЕДОРОВ —
младший научный сотрудник
Института криосферы Земли СО РАН

УДК 911.3

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ КАК ПРОБЛЕМА ГЕОГРАФИИ КУЛЬТУРЫ

АННОТАЦИЯ. Работа представляет собой попытку историко-культурной интерпретации магистральных маршрутов колонизации Сибири посредством анализа соотношения коммуникативных и ценностных аспектов освоения.

The paper deals with attempts to investigate some historical and cultural processes on the area of Siberia with the aid of reconstruction of communicational and valuable aspects of the development of its territory.

Одной из насущных проблем современного гуманитарного познания становится изучение особенностей социальной и культурной неоднородности различных территорий в контексте пространственного бытия культуры. При этом обращение к понятию пространства (как правило, социального, культурного, информационного и т.п.) зачастую игнорирует специфику пространства географического, частью которого данные территории являются. Причина этого, видимо, кроется в преобладавшей до недавнего времени тенденции *исчерпания места*, его социальной унификации. Средства массовой информации и коммуникации, Интернет, международные и межрегиональные сети различных сервисных услуг нивелируют особенности социокультурного развития отдельных локусов.

Тем не менее на фоне данной тенденции и в каком-то смысле в противовес ей начинает оформляться география культуры, предметом которой становится изучение специфики бытия культуры в конкретной географической реальности. Действительно, в современном глобализирующемся мире все более растет осознание того, что сохранение самобытных проявлений культуры во многом обусловлено их привязкой к определенному месту. Тем самым получают импульс новые исследовательские подходы, занятые поиском этой самобытности, сосредоточенные на уникальности места в качестве оппозиции попыткам его унификации [1], [2], [3].

Примером продуктивности данных подходов может служить изучение культурного своеобразия обширной территории Сибири. Ведь именно здесь наиболее рельефно проявились многие особенности отечественной культуры, обладающие ярко выраженной пространственной артикуляцией. Колонизация Сибири, освоение новых территорий способствовали закладке определенных культурных ценностей. Да и само слово *освоение* получило категориальный статус, стало одним из ключевых понятий, позволяющих глубже раскрыть многие существенные характеристики отечественной культуры.

В качестве индикатора многогранности смысловых значений понятия *освоение* в русской культуре можно рассматривать то, что во многих других языках не существует его однозначных дословных аналогов. Так, на английский язык *освоение* в разных случаях переводят: *development* (развитие), *assimilation* (ассимиляция, усвоение), *mastery* (господство, овладение), *familiarization* (знакомство, деланье чего-либо родным, близким), *opening of something* (открытие чего-либо) и т.д. [4].

Действительно, в истории России колонизацию можно рассматривать как нечто большее, чем просто расширение политического и экономического влияния империи. Тезис В.О. Ключевского о том, что «история России есть история страны, которая колонизируется» [5] после некоторого забвения вновь приобрел былую остроту и значимость. Данный тезис в том или ином виде получил свое развитие в работах многих выдающихся исследователей отечественной истории и географии [6], [7], [8].

Следует отметить, что история русской колонизации Сибири имеет свои характерные пространственные особенности, отличающие ее от ряда других, известных в мировой практике примеров колонизаций. В частности, ряд работ современных исследователей [9], [10] посвящен сопоставлению сходств и различий в опыте колонизации Сибири и Северной Америки. Не вдаваясь в детали, можно отметить, что ведущим фактором пространственной организации освоения североамериканского континента является фронт (порубежье) и соответственно нанесение условной границы между отвоеванными и не отвоеванными у аборигенов землями [9]. В истории же колонизации обширной и слабозаселенной территории Сибири решающую роль играли сухопутные и водные маршруты освоения [11]. Первоначально их эскиз намечался строительством острогов, в задачи которых входил набор несложных военно-оборонительных и представительских функций. Однако в скором времени начинался процесс своеобразного обживания нового маршрута, привнесения на него определенных образцов хозяйственной и духовной жизни. Происходящие здесь процессы тесно связаны с *коммуникациями освоения*, которые в силу особенностей жизни на новом месте несут в себе два взаимосвязанных аспекта: путей сообщения и человеческого общения. Первый аспект имеет очевидное географическое измерение. Вторым же обладают определенной территориальной привязкой только в силу сложившегося на данном месте образа жизни локальных сообществ.

Что касается путей сообщения, то принято сопоставлять их с типами исторического развития общества. Так, маршрутами освоения доиндустриального общества являлись в основном водные и равнинные сухопутные пути сообщения. Для обществ индустриального типа на первый план выходят рукотворные маршруты, образующие опорный каркас освоения (дороги, линейные инженерные коммуникации). В постиндустриальном обществе в качестве доминирующей системы коммуникаций освоения начинает выступать сеть (сети трансляции информации, сети социальных институтов, сети сервисных услуг и т.д.). При этом освоение пространства, представленное различными структурно-коммуникативными способами освоения (маршрутно-каркасный или же фронтальный), особым образом организует комплекс освоенческих ценностей (духовных, историко-культурных, социальных, утилитарных и т.д.).

Как свидетельствует ряд исследований [12], [13], на ранних этапах освоения Сибири главенствующую роль в расширении России на Восток чаще всего играла не политика государства, а личная инициатива первопроходцев, казаков, охочих и гулящих людей. Мотивы миграции этих наиболее мобильных категорий населения Руси часто заключались не просто в поисках «лучшей доли, но и в стремлении к поиску места, где могли бы получить воплощение их духовные и нравственные идеалы. Неслучайно фольклор сохранил множество преданий о таких легендарных уголках Сибири, как Беловодье. Уходившие туда крестьяне мечтали обрести свободную жизнь, устроенную по справедливым законам самоуправления. Наиболее весомый вклад в открытие и освоение восточных рубежей России в период с конца XVI до середины XVIII вв. внесли жители русского Севера. Именно они оказали значительное влияние на формирование особенностей сибирской «старожильческой» культуры, в которой важное место занимают освоенческие мотивы.

Данные примеры свидетельствуют о многогранности процессов освоения новых территорий в русской истории, мотивами которых являлось не только присоединение новых земель к метрополии и их последующее хозяйственное использование, но и реализация на них определенных культурных идеалов или утопических идей.

Обращаясь к осуществлявшейся на протяжении четырех столетий истории русского освоения территории Урала и Сибири, можно проследить эволюционные процессы трансформации маршрутов и ценностных парадигм освоения. При этом значительного внимания заслуживают примеры того, когда определенные формы освоения теряли свою актуальность. Их маршруты прекращали свое существование, но сохранившиеся ценности освоения продолжали оказывать свое скрепляющее воздействие. Применительно к подобным случаям можно говорить о постепенном перерождении коммуникации из «жесткой» в некую форму с сохранением ее ценностного акцента. Так, ранний этап целенаправленного освоения сибирских земель с конца XVI до середины XVIII в. был связан с формированием первого комплекса сухопутных и речных маршрутов, условно именуемого «Сибирский путь». Сложившись практически в течение жизни одного поколения, он наметил первоначальный эскиз освоения азиатской России. Многие располагавшиеся на нем города (Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Тара, Енисейск, Иркутск, Ленский острог (Якутск) и др.) выполняли роль не только опорно-тыловых форпостов освоения обширных территорий, но и ретрансляторов многих культурных инноваций, а также важнейших атрибутов русской государственности и духовной культуры. В городах, расположенных на этом маршруте были сфокусированы наиболее значимые формы культурной и духовной жизни: воздвигнуты выда-

ющиеся образцы местного храмового и гражданского зодчества, основаны первые монастыри и образовательные учреждения [8], [14].

XVIII столетие ознаменовалось постепенной утратой былого исключительного значения «Сибирского пути» в процессе простиранья России на Восток. В это время вместо него начинает формироваться прошедшая в большинстве участков на несколько сотен километров южнее новая система сибирских трактов. Ее направление во многом предвосхитило маршрут будущей Транссибирской железнодорожной магистрали. Причины этих масштабных сдвигов во многом лежали в изменении ценностной парадигмы освоения территории Урала и Сибири. После реформ Петра I в ее реализации решающее место начали занимать новые промышленные поселения, основанные на Урале и в отдельных районах Сибири, а также аграрные поселения и центры ярмарочной торговли (Кунгур, Ирбит, Ишим, Омск, Красноярск и др.). Эти новые центры экономической и культурной жизни все более вытесняли прежние военно-оборонительные и промысловые форпосты освоения азиатской России на периферию. После того как они оказались в стороне от крупных транзитных магистралей, выступавших в роли ретрансляторов привносимых извне нововведений, процесс развития их культурного ландшафта оказался приостановленным. Постепенно из узловых элементов передачи социокультурных инноваций они превратились в частично обособленные очаги традиционной культуры, продолжавшие репродуцировать многие ценности освоения, характерные для эпохи своего расцвета.

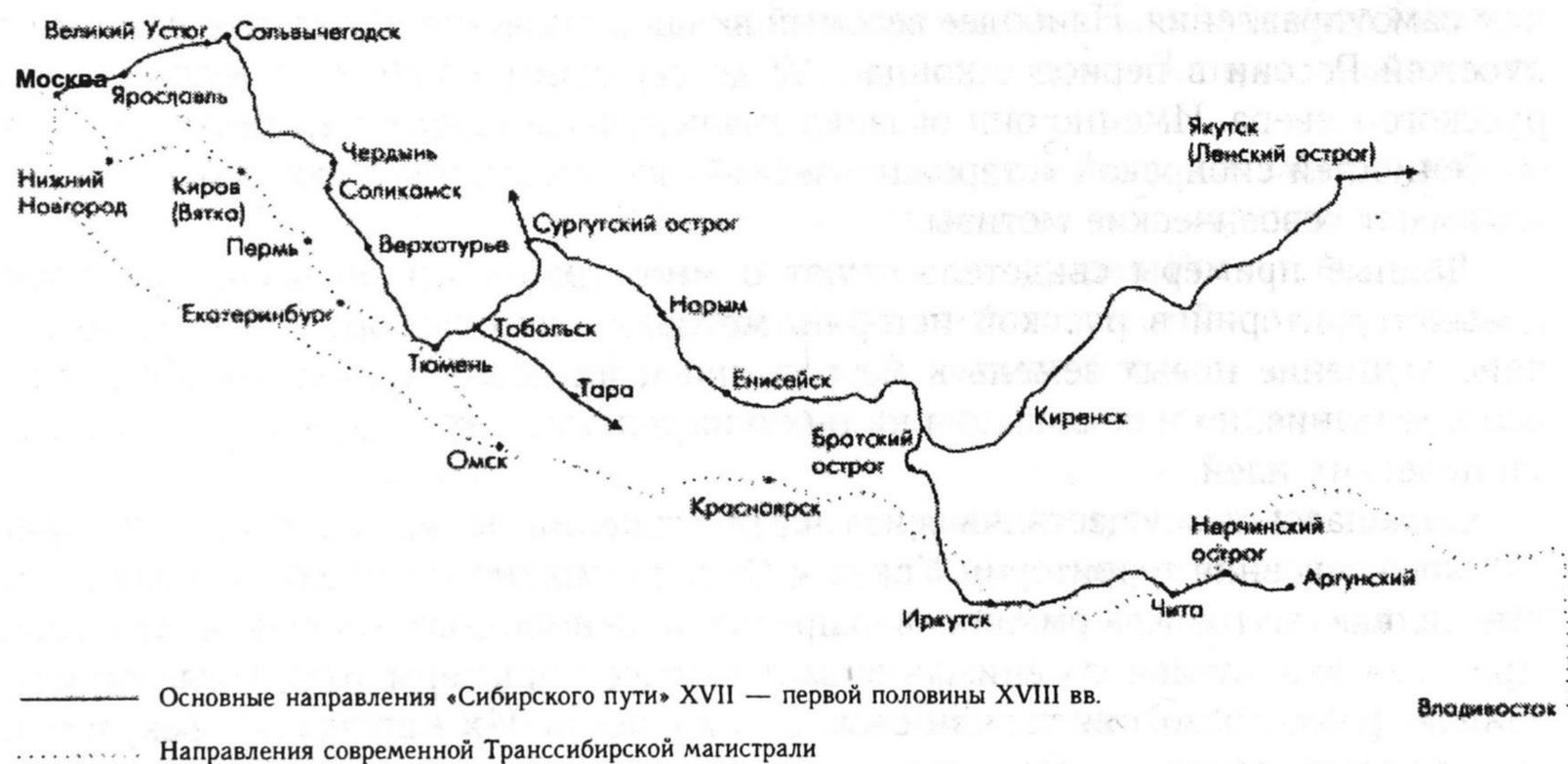

Рис 1. Схема основных линейных маршрутов освоения территории Сибири.

Несмотря на то, что эти города сегодня не объединены единой дорожной сетью, в культурном ландшафте Урала и Сибири они образуют своеобразный исторический маршрут освоения — незримую силовую линию, концентрирующую устойчивые, не подверженные изменению образцы материальной и духовной культуры (рис. 1). В предельно обобщенном виде их можно свести к специфическим ценностям, свойственным для поселений, возникших на доиндустриальном этапе освоения Сибири. Для их хозяйственной жизни характерно доминирование промысловых и аграрных черт. Как правило, им присущи близкие к архаическим ценностные инварианты культуры, выраженные в высоком значении традиций, доминировании религиозных институтов над светскими, преобладании общинных поселенческих моделей. Сегодня во многих из этих городов сохранились не только выдающиеся исторические архитектурно-ландшафтные комплексы и другие памятники материальной культуры, но и самобытные образцы жизненного уклада,

традиционной культуры и духовной жизни, которые во многом продолжают репродуцировать подобные ценности освоения. В большинстве случаев эти города являются важными историко-культурными и духовными центрами, во многом определяющими культурную индивидуальность современных регионов. Поэтому сегодня во многих регионах Урала и Сибири можно проследить своеобразное распределение ролей между их современными и бывшими столицами по схеме: административный (инновационный) — историко-культурный (традиционный) центр региона (Пермь — Соликамск (Чердынь), Екатеринбург — Верхотурье, Тюмень — Тобольск, Омск — Тара, Красноярск — Енисейск и др.).

Некоторые первые города Сибири, имеющие выгодное географическое положение (Тюмень, Иркутск, Чита), на протяжении своего существования всегда оставались на доминирующем линейном маршруте ее освоения. Данное обстоятельство усиливало выдающееся значение этих городов в освоении сопредельных с ними территорий, а также способствовало разнообразию их культурного ландшафта.

Если маршрут «Сибирского пути» XVII - первой половины XVIII вв. олицетворял по сути дела лишь одну историческую эпоху с присущим ей строем ценностей освоения, то культурный ландшафт направления Большого Сибирского тракта / Транссибирской магистрали можно рассматривать как сложное многослойное образование, на разных участках которого наблюдается как преемственность, так и радикальные смены ценностных парадигм освоения.

В разное время по этому маршруту прокатывались наиболее масштабные волны аграрного и индустриального освоения Сибири. По нему распространялись определенные социокультурные инновации и градостроительные стандарты. На нем формировалась сеть академических, образовательных учреждений и других социальных институтов.

Таким образом, своеобразную карту «географию культуры» на территории современной Сибири можно представить в виде системы коммуникаций освоения, обладающих различной ценностной спецификой. На ней можно выделить, в виде неявных коммуникаций, прекратившие свое существование исторические маршруты освоения, подобные «Сибирскому пути» XVII - первой XVIII вв., продолжающие репродуцировать многие ценности традиционной культуры своего времени. Линейной основой историко-культурного каркаса, аккумулирующего различные пласты ценностей освоения, складывавшихся на территории Сибири со второй половины XVIII в. до наших дней, продолжает выступать маршрут современного Транссиба. Он же играет роль главной коммуникативной магистрали, по которой осуществляется ретрансляция многих социокультурных инноваций. Наиболее важные города — узловые элементы Транссиба — как правило, выступают в роли ядер опорных каркасов регионов, сложившихся в зоне его влияния. К наиболее значимым и ярко выраженным примерам можно отнести территорию горнозаводского Урала (современные Пермская и Свердловская области) и зону нового индустриального освоения Тюменского и Томского Севера.

Подобная карта, ретроспективно представляющая маршруты и опорные каркасы освоения Сибири, может быть использована в качестве очевидного инструмента географии культуры, позволяющего системно охватить многие происходившие и происходящие здесь исторические и культурные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культурная география. М.: Институт Наследия, 2001. 190 с.
2. Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

3. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
4. The Oxford Russian-English dictionary by Marcus Wheelers. Oxford. At the Clarendon press. 1972. P. 456.
5. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 20.
6. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 682 с.
7. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.-Л., 1946. 226 с.
8. Покшишевский В. В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951. 208 с.
9. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 78.
10. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17-20 вв.: общее и особенное. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2001. Вып. 1. 116 с.
11. Ганопольский М. Г., Литенкова С. П. Структура расселения в Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития // *Известия РАН. Серия географическая*. 2005. № 3. С. 56-62
12. Булатов В. Н. Русский Север. Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1998. 352 с.
13. Добрыднев В. А. Поморье и колонизация Западной Сибири. Конец XVI — начало XVIII вв. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003.
14. Бабиновская дорога — путь длиною в 400 лет. Под ред. Шилова В. В., Бординских Г. А. Березники, 1998. 68 с.

*Алексей Васильевич БЕЛКИН —
доцент кафедры анатомии
и физиологии человека и животных,
кандидат биологических наук*

*Василий Владимирович МАРЬИНСКИХ —
аспирант кафедры анатомии
и физиологии человека и животных*

*Наталья Вячеславовна ТУРБАСОВА —
доцент кафедры анатомии
и физиологии человека и животных,
кандидат биологических наук*

*Александр Дмитриевич ШАЛАБОДОВ —
профессор кафедры анатомии
и физиологии человека и животных,
доктор биологических наук*

УДК 591.111.1

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЯЗКОЭЛАСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ МЕМБРАН ЭРИТРОЦИТОВ КРЫС С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ИХ РЕАКЦИЯ НА СТРЕССЫ РАЗЛИЧНОЙ ЭТИОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. Представлены результаты исследования вязкоэластических свойств мембран эритроцитов млекопитающих с различным уровнем двигательной активности в ответ на стрессы различной этиологии.